

русский отдел

ДЖОН
БЭРРОН

агент ФБР в Кремле

успех операции
«СОЛО»

Русский отдел

Джон Бэррон

**Агент ФБР в Кремле.
Успех операции «Соло»**

«Алисторус»

2011

Бэррон Д.

Агент ФБР в Кремле. Успех операции «Соло» / Д. Бэррон — «Алисторус», 2011 — (Русский отдел)

В книге американского историка Джона Бэррона рассказывается об одной из самых успешных операций американских спецслужб. Тайный агент ФБР Моррис Чайлдс («Соло») на протяжении многих лет успешно осуществлял шпионскую деятельность на глазах кремлевского руководства и советской разведки. Руководители Советского Союза – Брежнев, Сулов и другие – не могли представить, что открывают свои секреты американскому шпиону; они ему полностью доверяли и передавали миллионы долларов на осуществление особых миссий. Книга Дж. Бэррона содержит информацию из архивов ЦРУ и ФБР, которые позволяют понять все детали операции «Соло».

© Бэррон Д., 2011

© Алисторус, 2011

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	7
Часть 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Джон Бэррон

Агент ФБР в Кремле.

Успех операции «Соло»

Предисловие

Когда в начале 1970-х годов я писал книгу о советском КГБ, мне приходилось брать интервью у многих бывших агентов ФБР; в дальнейшем некоторые из них продолжали поддерживать со мной дружеские отношения. В 1977 году один из них в общих чертах обрисовал мне операцию, которую он считал самой блестящей шпионской миссией, когда-либо проведенной ФБР против Советского Союза. Главными ее участниками были Моррис Чайлдс, его жена Ева и брат Джек Чайлдс. Мой собеседник поведал, что все трое – уже пожилые люди, оба брата слабы здоровьем и ФБР операцию закрыло. Подробный рассказ о ней принес бы народу и стране большую пользу, а неполное или искаженное описание могло бы только повредить. Поэтому бывший агент, как и его коллеги, от имени которых он выступал, рекомендовал мне узнать в ФБР, смогу ли я рассказать эту историю, пока трое главных героев еще живы.

В ФБР эту информацию не подтвердили, но и не опровергли, сказав, что затронутая тема чрезвычайно деликатна и строго засекречена. С меня взяли обещание никогда не упоминать и не ссылаться на эту информацию ни в каких записях или беседах. Если такое произойдет не по моей воле, то ФБР должно знать, где, когда и при каких обстоятельствах это случилось. Я обещал молчать.

Через несколько недель одного из высших руководителей ФБР попросили побеседовать со мной «о существенной проблеме национальной безопасности». Он сказал, что в связи с новыми обстоятельствами и угрозой для жизни американцев руководство ФБР должно быть уверено, что я честно выполню свое обещание и никогда ничего не расскажу по тому вопросу, который обсуждал в штаб-квартире. Я заверил в этом своего собеседника.

В требовании не разглашать секретную информацию, чтобы не подвергать опасности жизни американских разведчиков, не было ничего удивительного. Я упомянул об этом только потому, что это повлекло за собой ряд последствий.

Операция, о которой я узнал в 1977 году, все еще продолжалась; Моррис и Ева Чайлдс знали о моем молчании. Оно послужило одной из причин для того, чтобы в 1982 году они связались со мной через агента ФБР Майкла Штейнбека. Тот сказал, что операция, в которой участвовали мистер и миссис Чайлдс, в конце концов завершилась и они хотели бы обсудить со мной возможность создания книги об их работе. В ФБР заявили, что не будут ни препятствовать созданию такой книги, ни содействовать в ее написании. Однако, если у меня появится желание, мне организуют встречу с Чайлдсами, которые находились под защитой правительства.

Наша первая встреча произошла в Санта-Монике, штат Калифорния, где к нам присоединился бывший агент ФБР Уолтер А. Бойл. Долгих восемнадцать лет – и каких лет! – Бойл был доверенным лицом Морриса и Евы. Моррис относился к нему, как к сыну, и сам пригласил его участвовать в наших первых беседах. Штейнбек присутствовал в качестве сопровождающего и не принимал участия в разговоре. Моррис, Ева и Бойл показались мне очаровательными людьми, и я понял, что каждый из них сыграл в этой драме свою важную роль. Никогда прежде мне не доводилось получать большего удовольствия от беседы. Позже Моррис с Евой приехали в Вашингтон, и мы долгие дни и часы беседовали в номере гостиницы в Джорджтауне

об истории, свидетелями, а порой и творцами которой они были. Мы стали друзьями и горели желанием приступить к совместной работе над книгой.

* * *

Мы уже вплотную подошли к началу работы, когда ФБР известило Морриса и Еву, что министерство юстиции запретило им рассказывать мне свою историю. Никто из министерства юстиции со мной даже не связался; до меня дошли только слухи, объясняющие причину такого решения. Вероятно, какой-нибудь относительно молодой адвокат из министерства юстиции рассудил таким образом: многие детали, которые неизбежно вынуждены будут раскрыть Моррис и Ева, остаются по-прежнему чрезвычайно секретными, и правительство по-прежнему отказывается открывать эти детали кому бы то ни было. Если министерство юстиции позволит Моррису и Еве рассказать их историю, это будет фактически означать разрешение на передачу секретных данных исключительно в мое распоряжение, то есть создание особых привилегий для одного-единственного журналиста. Более того, после передачи Моррисом такой информации министерству юстиции трудно будет сопротивляться требованиям, согласно закону о свободе информации, раскрыть и другие секретные материалы.

Моррис был огорчен и рассержен, но ничего не мог поделать. Ему исполнился восемьдесят один год, у него были проблемы со здоровьем, он считал, и возможно оправданно, что КГБ и коммунистическая партия за ним охотятся, ему была необходима защита и поддержка правительства, и к тому же он должен был думать о благополучии Евы. Тем не менее он надеялся, что американцы когда-нибудь смогут узнать о его тайной жизни и секретной миссии. И мы продолжали встречаться, особенно когда ФБР перевело его в Северную Вирджинию для консультаций и лекций в их академии в Куантико.

В 1987 году Рональд Рейган распорядился наградить Морриса Президентской медалью Свободы и посмертно наградить его брата Джека. Президент хотел было лично вручить награду Моррису в Белом Доме и устроить завтрак или обед в его честь, но ФБР убедило президента, что с точки зрения безопасности это неблагоразумно, и директор ФБР Уильям Сейшене наградил Морриса медалью в штаб-квартире ФБР. После этого по настоянию Морриса и Евы меня пригласили на частный, неофициальный прием.

Все собравшиеся в номере отеля на Пенсильвания-авеню были лучшими друзьями Морриса из ФБР. У меня была возможность встретиться и поговорить с некоторыми из них: Уолтом Бойлом, Джоном Лэнтри, который двенадцать лет был секретным сотрудником Джека Чайлдса, Карлом Фрейманом, который в давние времена убедил Морриса работать с ФБР, и помощником директора Джеймсом Фоксом, начальником Морриса и Евы с 1971 года.

Моррис столько раз был на грани гибели, что, похоже, перестал бояться естественной смерти; он боялся умереть в советской камере или от пули убийцы. Однажды он заметил: «Надеюсь, что смогу умереть тихо и спокойно, так, что никто из них про это не узнает». Второго июня 1991 года, не дожив восьми дней до 89 лет, он именно так и умер на больничной койке на руках у Евы, в присутствии раввина.

По нашему с Евой мнению, смерть Морриса и распад Советского Союза сделали бессмысленным запрет на разглашение его истории, и в 1992 году, пользуясь неоценимой помощью Евы, я начал работать над этой книгой.

Часть 1

Человек Москвы

Моррис, чье настоящее имя было Мойша Шиловский, родился 10 июня 1902 года недалеко от Киева. Он был старшим сыном Иосифа и Нехамы Шиловских. Еще ребенком ему приходилось слышать материнский крик: «Отец, я вижу медные пуговицы». Медные пуговицы были на форме царских полицейских, повадившихся по ночам избивать евреев. Мойша с младшим братом Джеком (или Яковом) выскакивали через черный ход, пока отец с матерью сносили побои полиции, надеясь, что детей искать не станут.

Из-за погромов и прочих притеснений Иосиф Шиловский бунтовал против царя, и вот однажды ночью Мойша увидел, как отца забрали в тюрьму, а потом сослали в Сибирь. В 28 лет Иосиф бежал через всю Россию к Черному морю и пробрался на борт грузового судна. 15 марта 1910 года он сошел на берег в Галвестоуне, штат Техас. Иосиф добрался до Нового Орлеана, потом отправился вверх по Миссисипи и остановился в Чикаго, где влился в большую общину восточноевропейских эмигрантов.

Иосиф был опытным сапожником, шил модную обувь из хорошей кожи. Меньше чем за два года он заработал достаточно денег, чтобы вызвать к себе жену и сыновей. 11 декабря 1911 года те прибыли в Нью-Йорк, а затем поездом добрались до Чикаго. На третий день пути в холодном вагоне с жесткими полками мать сказала мальчикам, что у них не осталось денег на еду. Сидящая напротив женщина обратилась к ним по-русски:

– У меня с собой много припасов.

Она достала из корзинки хлеб и колбасу, и весь оставшийся путь их угощали пассажиры.

Родители и учителя из бесплатной еврейской школы постоянно внушали Мойше, что ему следует трудиться и «работать над собой». В четырнадцать лет он уже был учеником в отцовской лавке, подрабатывал посыльным в чикагском финансовом центре – и продолжал учиться. Он читал русскую классику, книги по философии и американской истории, посещал курсы в Чикагском институте искусств, а по воскресеньям слушал в Холл-хауз лекции таких выдающихся людей, как Кларенс Дэрроу. Попутно он знакомился с архитектурой и достопримечательностями Чикаго, в том числе и со знаменитыми скотобойнями, после чего на всю жизнь стал вегетарианцем.

В институте искусств Мойша, к тому времени уже звавшийся Моррисом, попал под влияние радикально настроенных студентов. Они с отцом жадно следили за русской революцией, и, чем больше он изучал идеи коммунизма, тем больше они его привлекали. Устроившись развозчиком молока, он сошелся с несколькими молодыми коммунистами и вместе с ними начал агитацию. Объединение различных мелких фракций привело к образованию единой Коммунистической партии Америки. Формально Моррис вступил в нее в девятнадцать лет, но всегда считался одним из основателей.

Моррис выполнял все указания партии. Он с такой страстью агитировал членов профсоюза и сочувствующих, что его называли «красным молочником». Дважды полиция арестовывала его за участие в уличных демонстрациях, а однажды его избили дубинками. Время от времени у него возникали сомнения относительно правильности партийной тактики. Разнося по ночам листовки по почтовым ящикам, он спрашивал себя: «Почему мы разносим эти проклятые листки в два часа ночи? Люди могут принять нас за грабителей и пристрелить».

Ему отвечали: «Так поступают большевики». На какое-то время такой ответ заставлял сомневающихся умолкнуть.

Молочная компания платила разносчикам по числу покупателей, так что, обзаведясь достаточным числом клиентов, Моррис неплохо зарабатывал. После рождения еще двух бра-

тьев, Бенджамена и Филиппа, в отцовском доме стало тесно, но теперь Моррис мог себе позволить снять неподалеку собственную квартиру. Та тут же стала местом партийных сходов и приютом для приезжих товарищей, которые быстро поняли, что у него всегда можно занять несколько долларов и не тревожиться насчет возврата. В те дни Моррис считал, что такой дележ – суть коммунизма.

* * *

В середине 20-х годов Моррис привлек внимание видного партийного функционера Эрла Рассела Броудера, который повлиял на его дальнейшую жизнь больше, чем кто бы то ни было, за исключением Карла Фреймана. Радикал из Канзаса, гордившийся своим тюремным сроком как знаком отличия, Броудер был первым американским агентом Коммунистического Интернационала (Коминтерна), созданного Советами, чтобы контролировать зарубежные коммунистические партии. Его русская жена оставалась в Москве. Из всех фракционных течений, раздражавших международный коммунизм, он горячо поддерживал линию Сталина, и Советы полностью ему доверяли. Возможно, временами видя в Моррисе свою молодость, Броудер удостоил его дружбой и особым покровительством.

Коминтерн отправил Броудера с разведывательной миссией в Китай. Ранее направленные туда члены американской компартии провалились и не вернулись, поэтому перед отъездом Броудер оставил Моррису свои ценные книги и вещи: «Если я не вернусь, они твои». Но он вернулся и своими рассказами о приключениях в Китае буквально околдовал Морриса. Он рассказывал о посещении парка в бывшей британской экстерриториальной зоне в районе Шанхая, о табличках: «Вход собакам и китайцам запрещен». Броудер утверждал, что большая часть китайцев любит американцев, потому что Соединенные Штаты никогда не претендовали на экстерриториальные привилегии и потому что в Китае активно работали американские миссионеры.

Под влиянием Броудера Моррис стал разделять идеи Сталина и выступать против американского партийного лидера Джея Лоустона. Тот сделал ошибку, выдвинув тезис «американской исключительности». Он полагал, что раз капитализм в Америке достиг наивысшего развития, то и переход от него здесь произойдет позже, чем в Европе, и потому тактика партий Европы и Америки должна быть разной. Лоустон даже посетил Москву, чтобы добиться официального советского одобрения своих тезисов. Но Сталин счел их ересью, и Лоустон попытался исправить свою ошибку.

Броудер рассказал Моррису, что Сталин приказал Лоустону задержаться в Москве, но того предупредили троцкисты, и с молчаливого согласия зарубежных дипломатов Лоустону удалось бежать. По заданию Броудера Моррис возглавил группу сталинистов, которые захватили штаб-квартиру партии в Чикаго и выставили охрану, чтобы не допустить в здание Лоустона и его сторонников. После перевода штаб-квартиры партии в Нью-Йорк Коминтерн исключил Лоустона из партии и назначил лидером американских коммунистов Броудера.

В это время Моррис помог разоблачить шпиона: в Чикагскую партийную организацию проник частный детектив, который принялся осуждать коммунистов за участие в забастовках, сбивая их с толку. Несколько товарищей его избили, детектив обратился в полицию и, видимо, назвал Морриса одним из участников избиения. Партию предупредили, что за Моррисом охотится полиция, его спрятали в надежном месте и нелегально переправили в Москву. В двадцать шесть лет Моррис очень серьезно воспринял происшедшее, хотя в свете чикагских событий все выглядело довольно глупо. Моррис не совершал преступления, так что полиция наспех бы расспросила его про избиение детектива и наверняка отпустила. Гораздо больше их интересовали настоящие преступники. Многие годы спустя Броудер объяснил этот спектакль. Он умышленно преувеличил важность случившегося и нависшую над Моррисом опасность, чтобы

Советы предоставили тому убежище в Ленинской школе, где воспитывали будущих лидеров мировой революции.

Партия выдала ему фальшивый паспорт, необходимые документы, билет на пароход «Иль де Франс», двести американских долларов, немного французских франков и новое пальто. Моррис зашил в подкладку маленький красный лоскуток, который мог рассказать любому коминтерновцу, что он направляется в Ленинскую школу. Он пересек всю Европу и в январе 1929 года прибыл в Москву. Там на санях по снежным сугробам он добрался до школы, занимавшей бывший дворец русского аристократа.

* * *

Моррис встретился с такими же молодыми людьми, прибывшими со всех континентов. Все они были выходцами из рабочего класса, являлись основателями своих национальных партий или успешно проработали в них не меньше пяти лет и пользовались персональной поддержкой лидеров своих партий. Читать в школе лекции приезжали самые известные коммунистические теоретики и политики как из Советского Союза, так и из-за рубежа.

Если кого-то не приглашали выступить в школе, значит, за ним еще не числилось заслуг перед международным коммунистическим движением. Обычный курс продолжался два года, летом проходили практику на заводах или в деревне. Лучших студентов приглашали остаться на третий курс для специальной подготовки под руководством личного наставника.

Моррис сдал школьному администратору паспорт, в котором значилось, что он родился в Детройте, и взамен получил удостоверение на имя Гарри Саммерса, автослесаря из Детройта. Видимо, не заметив, что паспорт фальшивый, в школе записали, что он родился в США. После медицинского освидетельствования он сдал серьезные письменные и устные экзамены, чтобы Советы могли проверить его политически и морально и удостовериться в уровне его знаний. Вскоре администратор сообщил Моррису, что он пропускает первый курс и переходит сразу на второй, а потом проведет год с наставником.

Дополнительно к теоретическим и политическим предметам он изучал тайные методы революционной борьбы: партизанскую войну в городе и деревне, саботаж, кражи, использование огнестрельного оружия, секретные связи и подпольные операции, включая создание тайных убежищ, способы укрытия от полиции и пересылки сообщений, создание тайников для денег и взрывчатых веществ. Его обучали водить и взрывать поезда, скакать на лошади, владеть клинком и сбрасывать полицейских, втыкая шпильки в лошадей. Иногда он в душе потешался над собой, представляя, как он, пяти футов три дюйма ростом, клинком или шпилькой сбрасывает с коня копа-ирландца.

За исключением китайцев, которые отправлялись спать в отдельные комнаты, студенты жили вместе в общих спальнях и обедали в общей столовой. Все классы во дворце общались между собой, и не было особой надобности высовываться на мороз. Когда весной они начали выходить на улицу, Моррис увидел толпы изможденных людей, просящих подаяния. Узнав, что это бывшие царские офицеры или православные священники, которым запрещали работать, не выдавали продовольственные карточки, не принимали их детей в школы, он подумал: «Господи! Что же за общество мы строим?» И как-то инстинктивно принял решение, которое десятилетия спустя так помогло ему и Соединенным Штатам.

Он обнаружил, что с каждым днем все лучше понимает русский язык, на котором в их семье говорили до эмиграции. Но это он старался держать в секрете, тем более что лекции в школе синхронно переводились на разные языки и транслировались студентам через наушники. Моррис решил никому не говорить о своем знании русского языка, равно как и о том, что изучал искусство и музыку. Он не желал прослыть интеллектуалом.

* * *

В начале 1930 года в Москве бушевали метели. В конце занятий инструктор сообщил Моррису, что в администрации для него есть сообщение. Сотрудники уже ушли, и его встретил и приветствовал на сносном английском мужчина средних лет. Куря и непрерывно кашляя, незнакомец не потрудился представиться, но завел дружескую беседу. Он рад был сообщить, что у родителей и братьев Морриса, которых он назвал по именам, все хорошо. Он также рад был слышать, что Моррис – один из самых знающих и популярных студентов. Это его не удивило: он знал партийную характеристику Морриса, выданную тому в Чикаго. Особое впечатление на него произвела способность Морриса настойчиво выискивать капиталистических шпионов. Он поинтересовался: не приходило ли Моррису в голову, что империалисты могут пытаться внедрить своих шпионов и «вредителей» в Советский Союз под видом студентов? Задумывался ли он над тем, что в самой Ленинской школе могут окопаться троцкисты или другие «уклонисты», которые будут стремиться сбить студентов с толку?

Моррис согласился, что такое вполне возможно.

Тогда не хочет ли Моррис воспользоваться случаем и помочь выявить таких шпионов?

Вопрос несколько озадачил Морриса, ведь он звучал скорее просьбой, чем приказом. Если партия хочет, чтобы он что-то сделал, нужно только приказать. Основной принцип, который он усвоил в Чикаго и в Москве, – повиновение. Доктрина «демократического централизма» теоретически допускала внутри партии свободу обсуждения. Но когда обсуждение заканчивалось принятием конкретного решения, доктрина требовала абсолютного повиновения. Инструктор сформулировал это так:

– Если партия приказала собираться в Китай – отправляйся туда ближайшим же рейсом. Если партия приказала залезть на мачту и поднять там в полночь знамя с лозунгом «Вся власть крестьянам», ты обдерешь яйца, карабкаясь в полночь по флагштоку. Если партия приказывает все бросить и уйти в подполье, ты должен это сделать в тот же миг.

Позднее Моррис понял, что своим информатором его хотела сделать не партия, а ОГПУ – секретная политическая полиция. ОГПУ могло подкупом, шантажом или любым иным способом заставить почти каждого советского гражданина делать то, что нужно. Моррису необходимо было расположение Советов. Вознаграждение для него значения не имело. Он считал за честь любыми средствами служить делу коммунизма. Вскоре его назначили старостой класса, и потому ему приходилось бывать в администрации и слышать много разговоров.

ОГПУ посоветовало ему заводить друзей, и у него их было множество. Для удобства администрации студентов разбивали по секциям. Секция Морриса включала будущих партийных лидеров со всего земного шара: два китайца, два мексиканца, индус и австралиец. Он был в хороших отношениях со всеми, особенно с китайцами, которым сочувствовал, поскольку они даже не выходили за пределы класса. Его лучшим другом стал юркий маленький человек, который эмигрировал из Советского Союза в Канаду и переделал свое имя на английский манер, став Сэмом Карром. Талантливый оратор и руководитель, Карр говорил на шести языках и мог с одинаковым успехом завораживать аудиторию на русском и английском. Моррис подозревал, что тот тоже сотрудничает с ОГПУ, но, несмотря на это, они дружили не один десяток лет до самой смерти Карра.

На второй год учебы Моррис наладил личный контакт с инструкторами, которые обучали его самым современным предметам: управлению профсоюзами и народными движениями путем создания внутри них секретных коммунистических ячеек; созданию передовых организаций, использованию временных союзов с некоммунистами, подстрекательству к насилию, чтобы спровоцировать репрессии властей. Самыми близкими его наставниками были Куусинен и Суслов. Член Коминтерна Куусинен был главным архитектором советской подрыв-

ной методики. Его протеже Андропов дошел до ЦК партии, пятнадцать лет возглавлял КГБ и в конце концов руководил всем Советским Союзом. Суслов стал главным партийным идеологом и долгое время возглавлял Идеологический отдел.

Суслов чувствовал особую связь со своим учеником. В результате тайных интриг Суслов впал в немилость, и Сталин отобрал у него продовольственную карточку. После этого Моррис ежедневно воровал для него еду из школьной столовой. На всю оставшуюся жизнь Суслов сохранил доброжелательное отношение к Моррису.

* * *

Понятно, что, когда в 1932 году Моррис уезжал в Соединенные Штаты, в Коминтерне его считали важной фигурой – человеком Москвы, или, как говорили русские, «нашим» человеком.

Пока Моррис был в Советском Союзе, его брату исполнилось двадцать четыре года и он переехал в Нью-Йорк к любовнице. Броудер, неплохо устроившийся в новой штаб-квартире партии, назначил Джека распорядителем финансов Коммунистического союза молодежи. Его основной обязанностью было выбивание членских взносов, и он неплохо с этим справлялся, возможно, потому, что сам получал процент от собранной суммы. В 1932 году Броудер предложил Джеку ехать в Москву учиться методам налаживания связи и подпольных операций. До недавнего времени Коминтерн доверял обеспечение международного движения курьерами и радистами германской компартии. Когда нацизм обрушился на германских коммунистов с репрессиями, эту задачу передали американской компартии, так как американцы считались более сведущими в технических вопросах, а предъявитель американского паспорта мог свободно разъезжать повсюду.

Моррис рассматривал свою поездку в Москву как паломничество. Джек же считал это приключением, забавой, длительным оплаченным путешествием со своей любимой. Он согласился ехать при условии, что Советы позволят ему взять с собой подругу и жить с ней.

Броудер поручил ему раздобыть фальшивый паспорт, потому что из настоящего было видно: он родился на территории Советского Союза, а это могло создать трудности при проезде через Германию.

– Как я это сделаю? – спросил Джек.

– Соображай сам, – бросил Броудер.

Джеку такой обман доставлял удовольствие. Сменив имя на Джона Уильяма Фокса, он направил письменный запрос в Галлоуэй, Западная Вирджиния, с просьбой выдать копию свидетельства о рождении. Не найдя никаких следов, тамошний клерк решил, что кто-то в их городишке потерял оригинал, и любезно выдал новое. В Государственном департаменте его заявление не задержалось, и вскоре он получил паспорт на имя Джона Уильяма Фокса.

Коминтерн разместил Джека с подругой в новой гостинице у Москвы-реки, недалеко от трехэтажного каменного дома, где тренировались оперативники, или «наружники». Он изучал теорию и работу радио, учился собирать коротковолновый радиоприемник, изучал азбуку Морзе и тайнопись, искусство маскировки, использование знаков или тайников для обмена посланиями, контрнаблюдение, меры безопасности и методы борьбы со слежкой, которыми еще до революции пользовался Ленин.

В отличие от Морриса, Джек не был выдающимся учеником, но учился достаточно прилично, так что Советский Союз поручил ему серьезное задание. Коминтерновец объяснил ему, что коммунистическое подполье в Германии остро нуждается в деньгах и что у американца больше шансов их доставить. Готов ли Джек попробовать?

Джек хмуро буркнул, что готов выполнить партийный долг, даже если миссия окажется опасной. В действительности ему не терпелось развлечься в Германии.

* * *

С поясом, набитым крупными долларовыми купюрами, он отправился в вагоне первого класса через Варшаву и Данциг в Берлин. В кафе и кабаре, галереях и музеях он выглядел молодым американским туристом – прожигателем жизни. Он не спеша разведал место встречи и на следующий вечер на станции метро передал деньги немецкому товарищу, который тут же исчез в ночи. Чтобы оправдать сочиненную для него легенду, Джек провел еще два дня, наслаждаясь немецкой кухней, вином и старым Берлином.

В Коминтерне его горячо поблагодарили и к концу обучения попросили повторить эту миссию.

Джек зарегистрировался в берлинской гостинице средней руки как Джон Уильям Фокс, проживающий по адресу: США, Нью-Йорк, 18-я Западная улица, 845, и заявил, что цель его приезда – отдых. Он снова стал обычным состоятельным туристом. Обедая в ресторане на Унтер ден Линден, Джек все время косился на эффектную блондинку с шикарной фигурой, сидевшую за соседним столиком с пожилым мужчиной. Когда он начал расплачиваться, мужчина подошел к его столику и вежливо представился по-английски. Он случайно услышал, что Джек говорил с официантом по-английски, и догадался, что тот – американец. Когда Джек кивнул, немец сообщил, что у него в Сент-Луисе родственники, выразил восхищение Америкой и заметил, что они с женой не прочь попрактиковаться в английском. Не будет ли Джек так любезен выпить с ними бренди или кофе?

В последнее время в Берлине Джек заметил, что немцы ведут себя с иностранцами официально и сдержанно. Но его новые знакомые казались искренними и приветливыми, они интересовались и Соединенными Штатами, и им лично. Беседа оказалась настолько приятной, что они выпили несколько порций бренди и договорились через пару дней встретиться и пообедать в кафе неподалеку от гостиницы.

К радости Джека, в кафе пришла одна жена, извинившись, что из-за неожиданных проблем муж задержался в командировке и не вернется до завтра. За обедом она часто томно улыбалась, пристально вглядывалась в него большими темными глазами и дважды коснулась его бедром. Позже он предложил зайти к нему в номер, где они провели несколько упоительных часов любви.

На следующий день, передав очередной пакет с долларами на станции подземки, Джек в роскошном купе отправился в Данциг. Он уже поздравлял себя с успехом, когда дверь купе открылась. В дверях стоял обманутый муж.

«Мне конец», – подумал Джек.

Однако радушные приветствия мужа заронили огонек надежды. Возможно, тот ничего не знал? Он не упоминал о жене, а вместо этого заговорил об опасности кровожадных большевистских варваров, угрожающих цивилизации. Потом сообщил, что он – офицер немецкой разведки и хочет завербовать Джека, так как американский паспорт позволит тому попасть в Россию.

Джек заверил офицера, что весьма польщен его предложением. Большевики в самом деле мерзавцы. Но он уже говорил, что собирается начать в Нью-Йорке новое дело, решающее для его карьеры, и по крайней мере на пару лет откажется от путешествий за границу. Не мог бы тот дать ему визитку или номер телефона на случай, если обстоятельства изменятся? И как бы между прочим поблагодарил за вчерашнюю встречу и просил передать привет его восхитительной жене.

Все это укрепило положение Джека в Коминтерне. Он не только выполнил два опасных задания на территории нацистов, но еще и отразил попытки профессионального разведчика завербовать себя, да к тому же соблазнил его жену! Этого умного молодого человека ждало

большое будущее. На него можно было положиться, ему можно доверять; это достойный брат Морриса. Когда Джек вернулся в Нью-Йорк, Броудер взял его в штаб-квартиру партии доверенным лицом, шофером и телохранителем.

* * *

Моррис к тому времени женился на коммунистке из украинской семьи и стал главным партийным организатором в штате Висконсин. В московской школе инструктор, цитируя Ленина, говорил: «Хороший коммунист должен иметь мысли большевика и энергию американца». В Милуоки Моррис продемонстрировал оба качества: он вербовал членов профсоюза и интеллигентов, выступал на политических собраниях, проводил уличные демонстрации и даже боролся за пост мэра. Предвыборная кампания принесла ему сравнительно немного голосов и несколько болезненных провалов, так что он жаловался:

– Иногда я думаю, что агитатором быть не так легко.

Он признавал поражения естественными атрибутами своей работы. Ему никогда не приходило в голову, что враждебность народа, с которой приходится сталкиваться, – это результат ущербности его политических взглядов. Нужно просто научиться лучше доносить лозунги свободы до народных масс. А потому изучал рекламу «Кока-колы» в поисках методов, которые можно было применить для пропаганды коммунизма. На улицах он наблюдал, как миссионеры Армии спасения с успехом агитируют нищих и бездомных. Иногда их увещевания действовали и на него самого, и он бросал в их кружку пару монет, несмотря на то что швыряться деньгами себе позволить не мог. В партии ему платили двенадцать долларов в неделю, и хотя жена-портниха зарабатывала немного больше, они жили на грани нужды.

В середине 30-х годов в Советском Союзе решили, что таланты Морриса в Милуоки толком не используются. Для них главным городом Америки, «сердцем зверя», «крупнейшей зоной концентрации рабочего класса» был Чикаго – главный центр тяжелой промышленности. По их теории, эксплуатируемых там рабочих, можно было легко мобилизовать на революцию. Через агента Коминтерна Герхардта Айслера американской компартии велели послать Морриса в Чикаго и ввести в Центральный Комитет. Такое назначение с учетом его связей с Броудером сделало его одним из самых влиятельных американских коммунистов. Именно так и было задумано в Кремле.

Чикаго был также центром подпольного транспортного маршрута коммунистов, протянувшегося от Уолл-стрит до Голливуда, и Моррис принимал многих товарищей, добравшихся до безопасных убежищ. Однажды Сэм Карр условным звонком из Канады сообщил, что в Чикаго выезжает «хороший друг» и он надеется, что Моррис поможет ему «отдохнуть». Беглецом оказался Тим Бак, агент Коминтерна и руководитель канадской компартии. Впоследствии Моррис несколько раз предоставлял ему убежище и они стали настоящими друзьями. На их дружбе и строилась в дальнейшем операция ФБР.

Несмотря на свое положение в партии, Моррис жил довольно бедно и по партийным вызовам в Нью-Йорк добирался на попутных машинах. Странствия эти открыли ему новые стороны жизни, научили, как задержаться в каком-нибудь маленьком городке и попасть там в тюрьму за бродяжничество. Тюрьма гарантировала ужин, теплую постель и завтрак перед утренним освобождением. Носил он по большей части обноски, пожертвованные более состоятельными товарищами; друзья по партии также по очереди угощали их с женой воскресными обедами. В конце концов партия купила ему для служебных разъездов старый «форд» но бензин и обслуживание он оплачивал сам.

* * *

В партии Моррис был известен как «пуританин и правоверный большевик». В выступлениях, письмах и беседах с некоммунистами он казался немного урбанизированным и рассудительным идеалистом. Он ругал изоляционизм газеты «Чикаго трибюн», но мог по-дружески спорить с журналистами из этой и других газет, потому что привык уважительно слушать людей и никого никогда не унижал. Он представлял себя американцем-патриотом, воспитанным на идеях Томаса Джефферсона, Авраама Линкольна и Франклина Рузвельта, к чьим именам нередко взывал, возможно даже более искренне, чем сам думал. Он старался представить коммунизм могучим демократическим политическим движением, а Советский Союз – серьезным противником фашизма. Символично, что, набирая отряд в триста человек для участия на стороне коммунистов в гражданской войне в Испании, он призывал добровольцев сражаться против фашистов, а не за коммунизм. Однако по наиболее важным вопросам он никогда не отступал от советской позиции.

Коминтерн в своем московском досье правильно оценил его преданность и способности. Пример из этого досье был приведен видным специалистом по американскому коммунизму профессором университета Эмори Харви Клером. После того как новое русское правительство разрешило ему познакомиться со старыми досье Коминтерна, профессор Клер нашел и передал автору следующий документ:

«Досье: 495-74 СЕКРЕТНО

3 копии

31 января 1938 года

Чайлдс, Моррис – член ЦК КП США. Секретарь партийной организации в Чикаго (Иллинойс).

Родился в 1902 году, в Америке, еврей. Отец был сапожником. Чайлдс обучался на рабочего обувной промышленности. Образование начальное.

Был членом ЦК США с 1919 по 1929 год и членом ВКП(б) с 1929 по 1931 год. Вновь стал членом КП США, а затем членом Центрального Комитета в 1934 году.

Начал работать в 1915 году. В 1929 – 1931 годах обучался в Ленинской школе. С 1932 года на партийной работе.

Чайлдс был арестован в 1928 и 1929 годах в Чикаго в связи с митингами и демонстрациями.

Жена Чайлдса – член коммунистической партии с 1919 года. Работает портнихой, имеет родственников в Киеве, рабочих, М. и И. Лерман.

Ленинская школа оценивает его на отлично. 17 января 1938 года товарищи Броудер, Фостер и Райан дали следующую оценку товарищу Чайлдсу:

«Политически грамотен и устойчив. Повышает уровень политических знаний, является хорошим партийным и массовым организатором, может быть самостоятельным руководителем».

Источник: материалы из персонального дела.

(Белов)».

Вскоре после того как была составлена эта характеристика, Броудер получил от Коминтерна рекомендацию выдвинуть Морриса кандидатом от коммунистов на выборах в Сенат Соединенных Штатов от штата Иллинойс. Даже просто участвуя в избирательной кампании,

он мог хотя бы отчасти придать партии налет респектабельности и внедрить советские принципы в политическую жизнь США.

Моррис выступал с программой защиты «труда, безопасности, демократии и мира», призывающей Соединенные Штаты выступить против Германии, Италии и Японии. Его речи, как эхо советской пропаганды, были направлены против опасности нацизма и подчеркивали бедствия, которые тот несет. Кампания против нацизма вызывала одобрение Коминтерна и Бродера, канадских друзей Карра и Бака, рядовых членов партии и даже некоторых некоммунистов.

Меньше чем через год после окончания кампании Советский Союз неприятно удивил его, вступив в сделку с теми самыми нацистами. СССР не вмешался, когда Германия вторглась в Польшу. Взамен нацисты пообещали Советам часть польской территории, и те согласились.

Моррис позвонил Бродеру:

– Как мы объясним это неожиданное и предательское соглашение с нацистами? Что мы скажем?

Не менее ошарашенный Бродер не получил соответствующих инструкций из Москвы и не знал, что ответить.

На публике Моррис старался молчать или уклониться от обсуждения этой темы. Сам же он безуспешно пытался отогнать от себя эти мысли и многочисленные слухи о массовом терроре и убийствах в Советском Союзе.

* * *

Немецкое вторжение в Советский Союз 22 июня 1941 года вернуло ему моральное равновесие. Раз нацисты снова стали врагами, он может призывать американцев выступить против них. Евреям, которые с возмущением покинули партию, он предложил новое обоснование советского сотрудничества с Гитлером. Оно было вовсе не дьявольским сговором, а хитрой уловкой Сталина, чтобы выиграть время для укрепления обороны Советского Союза.

После нападения японцев на Пирл-Харбор 7 декабря 1941 года Германия начала войну с Соединенными Штатами. Это вновь сделало Советский Союз и Соединенные Штаты союзниками и превратило всех коммунистов в патриотов. Многие годы Моррис поднимал рабочий класс на борьбу с капиталистами, теперь же он призывал запретить все забастовки как непатриотичные. Отчаянно нуждавшийся в поставках американского вооружения и продовольствия Советский Союз был больше заинтересован в росте американской военной промышленности, чем в судьбе американских рабочих.

Коммунистическая партия Соединенных Штатов была призвана поддерживать военные усилия и политических кандидатов – сторонников гармонии в отношениях США и СССР, независимо от их партийной принадлежности.

Самым важным таким кандидатом в 1944 году стал президент Франклин Рузвельт, который баллотировался на четвертый срок. Моррис организовал большой митинг на стадионе в Чикаго, где они с Бродером выступили в поддержку президента. Моррис направил коммунистам директиву, предписывающую проникать в рабочее движение и использовать все свое влияние, чтобы объединить профсоюзы вокруг Рузвельта. Он лично обратился к Джону Л. Люису, президенту союза горнорабочих, и призвал того побороть личную ненависть к Рузвельту в интересах страны и народа.

Самые важные сведения содержались в хранившемся в Москве секретном досье на Морриса, и любой познакомившийся с его содержанием в 1944 году смог бы увидеть истинное лицо настоящего большевика. Моррис был сыном рабочего, выступавшего против царя. Он преданно и умело служил американской компартии с самого ее начала и помогал сталинистам установить над ней контроль. В Советском Союзе он прошел все проверки и проявил себя

и как студент, и как информатор секретной политической полиции. Он обладал физической и моральной отвагой. Августейшие лидеры международного коммунизма могли за него поручиться. Он никогда не отступал от линии партии, начертанной Коминтерном. И постоянно доказывал, что во всех своих помыслах был человеком Москвы.

Часть 2

Забыт и найден

В начале 1946 года Моррис переехал в Нью-Йорк и начал выполнять обязанности редактора «Дейли уоркер». В 1947 году он выехал в Москву для освещения открывавшейся там конференции министров иностранных дел.

В Нью-Йорке ходили слухи, что Сталин возобновил преследования евреев, и Пол Новик, редактор еврейской газеты «Морнинг фрайхайд» настоятельно просил Морриса призвать Советы прекратить репрессии. Он также дал Моррису пенициллин и другие лекарства для передачи еврейским артистам и интеллектуалам в Москве.

Моррис вылетел в Москву в компании тридцати четырех других корреспондентов, среди которых были такие известные журналисты, как Уолтер Кронкайт, Говард К. Смит и Кингсбери Смит. В гостиницу, где разместились корреспонденты, приехала южноафриканская коммунистка Молли Перлман, которая сообщила Моррису, что Советы поручили ей быть его секретарем. Она передала ему билет на балет и сказала, что там обязательно нужно быть.

На следующий вечер в театральной ложе к нему присоединились два представителя Международного отдела (ранее известного под названием Коминтерн). Они настоятельно хотели услышать детальный рассказ обо всем, что происходило в американской компартии после 1943 года, оценку ее сегодняшнего состояния и характеристики ее ведущих лидеров. Еще они просили оценить президента Гарри Трумэна. Моррис охарактеризовал того как «крепкий орешек» и сказал, что далеко не разделяет мнение американской прессы, будто бы тот проиграет выборы 1948 года.

Днем Моррис занимался обычной корреспондентской работой, посещал пресс-конференции и брифинги, работал над репортажами. Большую часть вечеров он тайно совещался с Советами. Когда он поднял вопрос о преследовании евреев, хозяева притворились шокированными тем, что кто-то кроме злобных империалистов мог вообразить нечто подобное. Ничего похожего не было, и они будут рады направить советских евреев в Нью-Йорк, чтобы те заверили в этом еврейскую общину. Что же касается артистов и интеллектуалов, для которых он привез лекарства, те находятся либо на дачах, либо в санаториях и получают достаточную медицинскую помощь.

В подарок старым друзьям еще по годам учебы в Ленинской школе Моррис привез виски «Кентукки», сигареты «Кэмел», лекарства, духи, нейлоновые чулки и американские консервы – мясную тушенку, ставшую в Москве популярной со времен американской военной помощи. Эти подарки обеспечили ему приглашения в русские дома с привычной обильной выпивкой. Как правило, он не пил спиртного, но среди русских пересиливал себя, показывая, что был и остается одним из них.

Во время этих долгих пьяных застолий ему довелось услышать кошмарные откровения. Еврейские артисты и интеллектуалы пребывали не на дачах и не в санаториях; они томились в тюрьмах в ожидании почти неизбежной казни. Многие общие знакомые исчезли. Моррис уже знал, что Карл Радек, Лев Каменев, Григорий Зиновьев и Николай Бухарин, читавшие лекции в Ленинской школе, расстреляны. Та же участь постигла бесчисленных верных партийцев, генералов, ученых, интеллигентов и разведчиков. Миллионы крестьян с семьями были депортированы в трудовые лагеря, где работали как рабы, а на Украине Сталин сознательно уморил голодом сотни тысяч, а может быть, и миллионы людей. Больше того, Сталин вовсе не стратегический гений, который выиграл время для укрепления обороны Советов, заключив сделку с Гитлером, а глупец, который доверял фюреру и верил, что благодаря союзу немецкой промышленности и советских природных ресурсов коммунисты и нацисты вместе смогут добиться

мирового господства. Его доверие было настолько полным, что он решительно отвергал все предупреждения советской и британской разведок об угрозе немецкого вторжения в 1941 году. Когда предсказанное вторжение началось, оно буквально лишило его дара речи. Несколько дней он скрывался, переживая потрясение, и министру иностранных дел Вячеславу Молотову пришлось первым призвать нацию к оружию.

Эти признания, полученные от надежных людей и собранные вместе, подтверждали самые ужасные антисоветские высказывания и били в само основание его веры. Моррис понимал, что почти двадцать лет был проповедником всего этого кошмара.

* * *

В Нью-Йорке Моррис вновь столкнулся с враждой и склоками. На заседании Национального комитета в июне 1947 года Моррис просто не поверил своим ушам, когда новый партийный лидер Деннис официально предложил предоставить Моррису бессрочный отпуск, а на время его отсутствия назначить редактором «Дейли уоркер» Джона Гейтса. Фостер поддержал это предложение, и оно прошло единогласно. Все товарищи фактически проголосовали за его увольнение и вывели его из партийного руководства.

Незадолго до того Морриса оставила жена, забрав с собой их сына: она чувствовала, что муж пренебрегает ею ради партии. А теперь партия – его божество – забыла про него, как и все прочие, кроме его братьев. У него не было работы, не было сбережений, не было постоянного дохода, не было будущего и не осталось веры. Он не мог обратиться за поддержкой к своим покровителям в Москве, так как партия могла сообщить им, что он выбыл из строя. Так оно и случилось. Он снял комнату в общежитии в Гринвич-виллидж, и вскоре обширный инфаркт поставил его на грань между жизнью и смертью.

Джек, который организовал свое дело по торговле электротоварами и красками, заботился о нем как мог и оплачивал его медицинские счета. Бен тоже присылал деньги. И тем не менее, если не считать визитов Джека, он был отчаянно одинок до тех пор, пока о его состоянии не услышала Соня Шлосберг. Бывший член партии из Чикаго всегда восхищалась Моррисом и глубоко его уважала, поэтому она перевезла его из Нью-Йорка к себе и принялась за ним ухаживать.

Если бы не увольнение и болезнь, Морриса, несомненно, арестовали бы. Конгресс в 1940 году принял так называемый закон Смита, согласно которому призывы к насильственному свержению правительства США считались преступлением. После начала «холодной войны» администрация Трумена принялась использовать этот закон против коммунистов, и ФБР арестовало двенадцать ведущих лидеров партии: Денниса, Фостера, Гейтса, Гэса Холла, Бена Дэвиса, Джона Уильямса, Роберта Томсона, Джека Сатчела, Ирвинга Поташа, Джила Грина, Генри Уинстона и Карла Уинтера.

Власти собирались арестовать и Морриса, но следившие за ним агенты ФБР видели, что он почти лишился сил. Пройдя каких-то полсотни шагов, он был вынужден присаживаться на бордюр, чтобы набраться сил и подняться вновь. Учитывая его состояние и тот факт, что он отошел от активной работы в партии министерство юстиции приняло решение обвинения против него не выдвигать.

Судебное преследование Фостера также отложили, потому что тот тоже был очень серьезно болен, но остальных одиннадцать человек осудили. Верховный суд шестью голосами против двух в июне 1951 года подтвердил конституционность закона Смита и вытекающие из него обвинительные заключения. Холл, Гейтс, Томсон и Грин бежали, остальных отправили в тюрьму. Распаленное страстями военного времени ФБР при поддержке Верховного суда задержало по всей стране больше сотни партийных функционеров рангом ниже, и скорее всего

всем им предстояло пойти под суд. Остальных партийных функционеров затравили со всех сторон. В значительной степени лишенные руководства, они ушли в подполье.

В надежде поймать бежавших лидеров и разгромить подполье ФБР создало программу под названием «Топлев» и сформировало в Нью-Йорке и Чикаго подразделения по борьбе с подпольем. Чтобы выяснить, с кем чаще всего контактировали Холл, Гейтс, Томсон и Грин, начали с анализа имевшихся разведданных. Потом занялись выявлением бывших членов партии, имевших с ними связи. Эта работа навела на досье Джека Чайлдса, где было указано, что тот не ведет активной работы в партии с 1947 года и поэтому может быть настроен оппозиционно к коммунистам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.